

УДК 347.218.3 (575.2) (04)

**ИНСТИТУТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ
В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Н.Р. Мулкубатова – ст. преподаватель

The theoretical and practical aspects of property rights were considered together with the approaches determined in the civil code of the Kyrgyz Republic. The opinions of Russian and foreign specialists in property rights were cited.

Вещное право со времен Древнего Рима традиционно считалось формой отношения лица к вещи. В свое время В.М. Хвостов указывал, что вещным правом в субъективном смысле называется право, дающее субъекту непосредственное господство над какой-либо вещью¹. Многие исследователи (среди них назовем Г.Ф. Пухта, Ю. Барона, Г. Дернбурга, К.Ф. Чилларжа) считали, что общим свойством всех вещных прав является юридическая власть лица над вещью.

Господство лица над вещью проявлялось в наборе определенных правомочий, составляющих содержание того или иного вещного права. Характер господства сводился к возможности субъекта определенным образом воздействовать на вещь. Так, если речь шла о непосредственном воздействии, исключающем влияние других лиц на данную вещь, говорили о праве собственности и владении, как наиболее широких по содержанию правах на вещи. Если же лицо притязало на пользование вещью, ему не принадлежащей, возникали так называемые права на чужие вещи, существовавшие в виде сервитутов, эмпфитевзиса, суперфиция и залогового права, характерной особенностью которых было ограниченное, по

сравнению с вышеуказанными, содержание правомочий их субъекта-носителя.

Разд. 2 гл. 10 Гражданского кодекса Кыргызской Республики посвящен вещным правам, между тем само понятие вещного права не расшифровано. В кыргызском законодательстве не существует нововведений в системе вещных прав. В ст. 228 ГК КР указано, что вещными правами, кроме права собственности, являются также сервитутные и “другие права на чужие вещи”.

Таким образом, норма данной статьи, закрепляя перечень институтов вещного права, предусматривает возможность включения в нее иных, не известных на сегодняшний день вещных прав, т.е. не дается их исчерпывающий перечень. С одной стороны, данный подход является удачным, так как обеспечивается правовое поле для дальнейшего развития рыночных отношений круга ограниченных вещных прав.

Вместе с тем он содержит в себе и определенные трудности, поскольку провозглашает ничем не ограниченное установление новых видов вещных прав, которые носят абсолютный характер. Данное положение базируется на том принципе, что правовая система имеет *numerus clausus*, т.е. определенный ограниченный круг вещных прав.

Во избежание этого, в основу соответствующих норм законодательства стран континентальной системы права (например, в ФРГ,

¹ *Хвостов В.Л.* Система римского права: Учебник. – М.: Спарк, 1996. – С. 223.

Швейцарии, Франции, Чехии) заложен принцип установления вещных прав исключительно законом. В российской цивилистике об этом писал К.И. Скловский: "...уже отмечалось, что вещное право может возникнуть только после указания его в законе. Поэтому перечень вещных прав может быть дан исключительно на базе законодательства"¹. Должен ли быть перечень вещных прав открытым или необходимо в конкретной статье основного гражданского закона предусмотреть всю совокупность данной категории прав, при необходимости дополняя его, внося соответствующие изменения? Решением данного вопроса следует заняться кыргызским законодательным органам.

Традиционно анализ системы вещных прав начинают с характеристики права собственности. Это обусловлено исторически более ранним оформлением института собственности в Древнем Риме. В области юридических отношений право собственности является необходимостью и в гражданском праве занимает первое место. Ряд авторов утверждают, что в некоторых обществах юридический быт устанавливается без права собственности. Однако большинство ученых придерживаются другой точки зрения. В частности, Д.И. Мейер указывал, что право собственности иногда сокрыто, существует в грубых формах, но, тем не менее, оно всегда и везде существует, и, более того, во всех обществах право собственности называют священным, неприкосновенным.

Специфика права собственности как права присвоения состоит в том, что осуществляется оно посредством таких категорий, как власть, пользование и распоряжение. На первый взгляд, право собственности представляется господством лица над вещью. Но не всякое господство лица над вещью есть право собственности. Господство может быть случайным: фактически оно существует, но не признается законным, не признается правом собственности. Но даже и законное господство иногда не признается правом собственности. Так, не будет правом собственности, если одно лицо – собственник – предоставит другому какую-либо вещь в поль-

зование. При этом необходимо указать, что в кыргызском законодательстве (п.1 ст. 222 Гражданского кодекса КР) прямо указывается на это положение: собственник осуществляет свои правомочия по своему усмотрению.

Право собственности представляют как наиболее полное вещное право. Тем не менее, "право собственности становится неполным, если появляются другие вещные права", – пишет Л.В. Щенникова².

Нередко правом собственности определяют безусловное, неограниченное, полное господство лица над вещью. Но как было справедливо отмечено Д.И. Мейером, такое определение противоречит себе: правом собственности считается полное и неограниченное господство лица над вещью, а между тем это неограниченное господство находится в известных пределах. Одно то, что многие виды осуществления права собственности были бы в то же время нарушением права собственности других лиц, уже представляет нам право собственности ограниченным.

Отправляясь от экономического понятия присвоения, А.В. Венедиктов и ряд других авторов определяли право собственности как право присвоения "своей властью" и "в своем интересе". Следует отметить, что признак "своя власть" не может также считаться отличительным признаком права собственности, так как "свою власть" имеют не только собственник, но и носитель любого другого субъективного гражданского права. Кроме того, право собственности – это не власть над вещью, поскольку отношение собственника к самой вещи само по себе не является правовым. Это и не власть над другими лицами, так как собственник не имеет власти в отношении других лиц. Такой признак, как "в своем интересе", также не может служить отличительным признаком права собственности, так как интерес является побудительным мотивом для деятельности той или иной стороны правоотношений и не может характеризовать данный вид права в отличие от других. В "своем интересе" дейст-

¹ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: Учеб.-практ. пособие. 3-е изд. – М.: Дело, 2002. – С. 434–435.

² Щенникова Л.В. Вещное право в гражданском кодексе: вопросы практикующего юриста законодателю // Законодательство. – 2000. – №10. – С. 13.

вует не только собственник, но и носитель всякого другого субъективного права¹.

С.Н. Братусь, исходя из тех же методологических посылок, считал, что специфическим для права собственности является не присвоение (ибо оно опосредовано и другими институтами права), не “своя власть” и не “свой интерес”, а то, что право собственности – это состояние присвоенности материальных благ, выражающееся в отношении к вещи, как “к своей”. Однако, на наш взгляд, и это определение права собственности не отражает его сущности. Отношение к вещи, как “к своей”, не выявляет специфики права собственности, так как к вещи, как “к своей”, относится и добросовестный незаконный владелец, более того, психологически и вор относится к похищенной вещи как “к своей”, но собственниками они не являются.

Вообще, по поводу того, что именно закрепляет право собственности – отношение к вещи или отношения лиц по поводу вещи – в правовой науке велись долгие дискуссии. Марксизм однозначно отвергал саму возможность закрепления правом собственности отношения человека к вещи. С этим взглядом не соглашалось большинство цивилистов дореволюционного периода, которые видели существо права собственности в господстве субъекта над вещью.

Интересно также мнение профессора Калифорнийского университета Гордли, который отождествляет право собственности с властью человека над самими собой, своими поступками и своей свободой². Иными словами, защита права собственности есть защита свободы, а ограничение права собственности – ограничение свободы. Отождествление со свободой – это чрезвычайно важная характеристика права собственности как юридического отношения. Отношения по поводу собственности нельзя провозгласить указом или законом, это реально существующая категория, урегулированная законодательством.

¹ Генкин Д.М. Право личной собственности в социалистическом обществе // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук. 1–6 июля 1946 г. – М., 1948. – С. 54.

² Гордли Дж., Маттеи У. Защита владения // Американский журнал сравнительного правоведения. – 1996. – № 44. – С. 293.

Кроме того, такая категория, как справедливость, обеспечивает возможность реализации широкого спектра гражданских прав, и в первую очередь, права собственности, свобод, самореализации личности и достойного существования человека и гражданина. К. Маркс также отмечал связь между динамикой производственных экономических отношений и изменением понятия конкретной социальной справедливости³. Другими словами, общество в процессе своего развития и изменения экономических отношений, а значит и права собственности, трансформирует свои представления о справедливости.

Собственность – это многогранная система отношений, существенно различающихся по своему характеру и последствиям. Право же собственности, независимо от ее форм, по мнению Р.И. Капелюшникова, определяется как фактически действующая в обществе система исключений из доступа к материальным и нематериальным ресурсам и ценностям⁴.

Известно, что римские юристы не выработали определения понятия права собственности, которым они, однако, пользовались. Объем и границы права частной собственности римляне определяли путем указания на правомочия собственника. Это объясняется тем, что римские юристы считали понятие права собственности столь ясным, что оно не требовало никакого определения. Поэтому они акцентировали внимание не на создании соответствующей дефиниции, а на характеристике возможностей собственника в отношении принадлежащей ему вещи. Как отмечает В.К. Дроников, “в повседневной жизни при заключении сделок, на судебном процессе римляне понятие собственности выражали формулой: “эта вещь моя” (res mea est)”⁵.

Характеризуя право собственности, подчеркнем, что некоторые римские юристы

³ Маркс К. Морализующая критика и критическая мораль // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 299.

⁴ Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности (Методология, основные понятия, круг проблем). – М., 1990. – С. 11.

⁵ Дроников В. К. Римское частное право. – Киев, 1961. – С. 71.

предпринимали попытки разложить его на составные части, представляемые в виде отдельных правомочий. Так, Павел считал, что право пользования и извлечения плодов представляет собой значительную часть собственности. Его современник Ульпиан возражал против намерений перечислять составляющие права собственности и настаивал на неделимости его содержания по своей природе.

Обе вышеуказанные позиции имеют как определенные преимущества, так и существенные недостатки. Раскладывая право собственности на составляющие его правомочия, не следует забывать, что собственник остается собственником и при временном отсутствии какого-либо из них и, когда указанные ограничения ликвидируются, право собственности возобновится в полном объеме – в данном случае проявится так называемый принцип эластичности собственности. Поэтому определять собственность через указание на вариативность правомочий собственника означает не принимать во внимание существование данного принципа. Однако также сложно в полном объеме раскрыть содержание принадлежащего собственнику права, если ограничиться лишь указанием на возможность осуществления относительно своего имущества любых действий, не акцентируя каких именно.

Украинский исследователь О.А. Михайленко считает, что, по сути, входящие в состав права собственности возможности следует сгруппировать следующим образом: права непередаваемые, принадлежащие исключительно собственнику, и права пользования, которые могут быть перенесены на другое лицо, т.е. отделены от права собственности.

К первой категории он относит: 1) право распоряжения относительно сущности самой вещи (преобразование леса в пашню, уничтожение вещи и прочее); 2) право отчуждения вещи в трех возможных формах (путем передачи иному лицу, отказа от нее и допущения чужого влияния); 3) право защиты собственности, требование возвратить вещь от любого незаконного владельца; 4) право возражения против пользования вещью.

Ко второй категории можно отнести: 1) право владения; 2) право пользования *salva rei substantia* – с сохранением целостности суб-

станции (в противоположность *ius abutendi* – пользованию вопреки целевому назначению вещи); 3) право на получение плодов и приращений от вещи, возможное и без согласия на то собственника вещи. В совокупности эти возможности составляют единое полное право собственности лица на имущество¹.

Можно отметить, что предусмотренная для характеристики права собственности (ст. 222 Гражданского кодекса Кыргызской Республики) традиционная триада – право владения, пользования, распоряжения – недостаточна для раскрытия этого сложного понятия. Думается, что корректнее в данной ситуации было бы говорить либо о наиболее полном праве собственника на имущество, либо о необходимости дополнить триаду указанием на возможность осуществления управомоченным субъектом любых, не противоречащих, закону действий в отношении своих вещей.

Как известно, категория вещных прав не раз подвергалась критике. Однако, хотелось бы подчеркнуть, что практика доказала целесообразность существования института вещных прав, который предоставляет юридические гарантии полноценного удовлетворения интересов и потребностей всех субъектов права. Общие положения института вещных прав Древнего Рима сегодня являются неотъемлемой теоретической основой современного гражданского права, а также базой для становления нового для Кыргызской Республики института права собственности. И здесь законодательным органам, основная задача которых – работа над совершенствованием основного гражданского закона, может помочь богатый опыт гражданско-правовой науки с ее четкими конструкциями и формами.

¹ Михайленко О.А. К вопросу об историческом генезисе института вещных прав в гражданском праве Украины // Древнее право. – М.: Спарк, 2000. – №1 (6). – С. 78.